

Глава 1

Говорят, что волшебство — настоящее волшебство, а не ту чепуху, которую бабы-знахарки продают по щепотке из своих мешочков с порошками и травами, — можно сотворить, только заполучив человеческое сердце.

Вот почему волшебницы, проезжавшие через нашу деревню, волшебницы в больших каретах с золочеными завитушками и бархатными занавесками, бывали так красивы. Их красота разбивала мужские сердца, а женские заставляла исходить ревностью, хотя женщинам лучше удавалось скрывать чувства.

Прибыв в нашу деревню, волшебницы на глазах у всех отправлялись на рынок покупать травы — у нас выращивали травы, — словно собирались варить зелье, как старые знахарки. На самом же деле эти дамы высасывали частички сердец тех, кто собирался посмотреть на них. Мы все об этом знали. Знали — и всё же бежали к ним, хотя куда разумнее было бы засесть по домам.

Для того волшебницы и колесили по деревням: они собирали частицы сердец, ничем не примечательных деревенских сердец, но на небольшие заклинания этих комочков все же хватало. Говорили, что каждый мужчина, каждая женщина, которые становились жертвами их чар, отдавали частицу своего сердца, едва увидев кого-нибудь из них, а волшебницы клали их в карман, чтобы использовать в магическом заклинании или заговоре.

Волшебницы редко забирали сердце целиком, для этого понадобилось бы выманить человека из деревни — во всяком случае, так мы думали; во время своих приездов они отщипывали от сердец понемногу; кажется, для их нужд было достаточно и малого.

Не знаю, откуда мы узнавали о сердцах, но знали мы о них с пеленок. Наверное, родители рассказывали нам эти истории, еще когда мы лежали в колыбели, но я не помню, когда и как услышала про сердца в первый раз.

Мы знали, что для настоящего волшебства потребно сердце — это единственное настоящее средство, — хотя время от времени какому-нибудь шарлатану удавалось продержаться какое-то время на чайной заварке и травах; мы знали, что от сердца могут забрать кусочек побольше или поменьше и жертва почти ничего не заметит; знали, что сердце можно даже извлечь из груди, словно устрицу из раковины; а еще мы знали, что чародеи забирают сердца у тех, кто живет в деревнях, далеко от столицы и от королевского дворца. У людей вроде нас.

Волшебницы вершили какие-то колдовские дела — но какие? Никто этого не знал, да никто и не интересовался. В столичном городе они могли колдовать как угодно, наши занятия их не заботили, а нас не заботили их занятия. Наверное, болтали мы на досуге, эти дамы своей ворожкой убивают кого-нибудь — убивают тех, кого пожелал умертвить король. Большая политика, так-то.

Наше королевство не вело войн; насколько нам было известно, оно не воевало уже сотни лет. И не исключено, что мы не знали войн благодаря волшебницам и их волшебным трудам.

Волшебницы брали у нас не так много, чтобы нас это обременяло, к тому же любое неудобство, причиняемое похищением сердец, с лихвой покрывалось восторгом, которым сопровождалась их визиты; во всяком случае, именно так мы считали.

Спокойное отношение к тому, что на деле было медленно наносимым увечьем, позже казалось мне странным, но в то время и я, и все прочие относились к происходящему вполне благодушно. Пока волшебницы сидели в столице, мы охотно закрывали глаза на их деяния.

Вообще говоря, в городе бывал всего один наш односельчанин: добрый муж Прыщ. (Ладно, еще один наш односельчанин уехал в город не по своей воле, но о нем я расскажу позже.) Но история с Прыщом случилась тридцать лет назад, и он почти выжил из ума, так что толку от него было немного.

Мы старались по возможности не покидать деревню, а пределы королевства — и подавно. Время от времени через наши края проезжали путешественники, которые направлялись Куда-Нибудь Еще, но чаще мы видели, как они возвращаются назад. Они всегда казались озадаченными тем, что не смогли уехать дальше. Позже мне стало казаться, что мы были на удивление нелюбопытными, но в то время мы редко задавались такими вопросами.

Подданные нашего короля обычно рождались и умирали, не покидая родной деревни. Да и какой смысл покидать ее? Все деревни походили на нашу; а за границами королевства нас, насколько мы слышали, не ждало ничего, кроме войн и опасностей. В столице же имелись ужасы похлеще волшебниц и похищенных сердец.

До нас доходили истории о детях, которых оставили в городе их родители — а может, они сами заблудились. Дети эти сбивались в банды карманников или попросту исчезали без следа. Если мы плохо вели себя, взрослые пугали нас, говоря, что отвезут нас в город и мы присоединимся к этим бандам. Папа, конечно, так не говорил, а вот родители других ребят — случалось.

Женам и невестам не нравилось, когда приезжали волшебницы: уж больно страстные взгляды бросали на красавиц их благоверные.

Женщины, скрестив руки, неласково хмурились, наблюдая, как эти очаровательные дамы высасывают сердца, по праву принадлежавшие женам. Во всяком случае, они так считали.

Я получала немалое удовольствие, глядя, как мужчины ежятся то под взглядами волшебниц, то опасаясь

страха и гнева своих лучших половин. Потом, когда волшебница отбывала, женщины приходили в лавку, цокали языками, жаловались на слабости мужчин. Я невозмутимо выслушивала их, заворачивая им мясо, однако в душе ликовала.

Мне нравилось, что они так негодуют. «Побудьте-ка хоть недолго в моей шкуре», — думала я. Даже самые хорошенькие мои односельчанки волшебницам в подметки не годились, а я никогда не сомневалась, что я самая неприметная девица во всей деревне.

Я знала, что мне никогда не стать молодой женщиной с младенцем на коленях, не стать даже степенной матроной в переднике, припорошенном мукой. Я убеждала себя, что такое положение дел меня более чем устраивает, однако все же не без удовольствия наблюдала, как женщины бесятся от ревности. Я не могла найти у себя в душе сочувствия к ним.

Но волшебницы и правда умели очаровывать. Даже я не могла этого отрицать. Как-то одна из них, вылезая из кареты, взглянула на меня — и улыбнулась так, словно я ей страшно интересна, словно я человек, о котором ей, будь у нее время, хотелось бы знать больше. Тогда-то я и поняла, как они разбивают сердца, эти женщины.

* * *

Мы знали только одного человека, которого волшебницы увезли на самом деле. Обычно во время своих редких визитов эти дамы просто высасывали для своих целей достаточно сердец у изрядного количества идиотов, а потом уезжали, словно собрав урожай самых спелых плодов.

Мне казалось, что время от времени они выходят из игры, а может быть, и нет — эти красавицы, похоже, не старились; наверное, они просто ждали, пока новые идиоты дозреют до того, чтобы с вожделением смотреть на волшебных городских дам. Дураки в нашей деревне всегда плодились с лихвой.

великолепную ножку. Парни заставляли его повторять эту повесть снова и снова.

Волшебницы до последней минуты не раздвигали занавески в окнах своих карет, и мы привставали на цыпочки, чтобы разглядеть их; штаны у мужиков бугрились на ширинке, словно их дружки тоже привставали на цыпочки, желая бросить любопытный взгляд на элегантных городских дам.

Дэв тогда работал на рыбном рынке. Он подолгу торчал на реке, а потом возвращался оттуда с палками, на которых болтались связки вонючих рыбешек. Да и сам он попахивал рыбой. До того самого дня о нем только это и знали.

У волшебницы — той самой, что увезла Дэва, — на золотые волосы была наброшена черная вуаль, и золото светилось сквозь кружева, как маргаритки в траве.

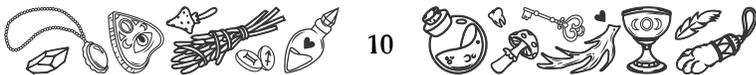
Она даже не стала, как обычно, делать вид, что собирается к травнице. Грациозные ножки в ботинках на пуговках ступили на нашу грязную деревенскую землю, и волшебница без тени смущения огляделась. Она смотрела на толпу зевак, словно добрая жена, которая щупает дыни и взвешивает яблоки у прилавка с фруктами, и глаза у нее были желто-зеленые.

Заметив Дэва, стоявшего у своего прилавка рядом с бочкой рассола и шестами с сушеной рыбой, чародейка указала на парня длинным пальцем.

Дэв глупо огляделся — вправо, влево, потом назад, но затем сообразил, на кого она указывает, и брови у него подскочили так высоко, что исчезли в волосах.

Волшебница улыбнулась. Дэв качнулся вперед, едва не перевернув бочку с рассолом, и, спотыкаясь, побрел через молчаливо глядевшую на него толпу.

Люди раздались, давая ему поход, как давали проход деревенскому пьянице, доброму мужу Трю, только без смешков и непристойных шуточек. Все понимали: не надо удерживать Дэва, пусть идет своей дорогой.

тому свидетели. К тому же стражники против волшебниц не сильнее каких-нибудь святых пустынников. Зачем нам законы или даже боги, если мы живем под защитой волшебниц, которым все под силу? Ничто не сравнится с их могуществом. Мать Дэва плакала. Жители деревни предприняли несколько вялых попыток связаться с городскими властями, хотели писать письма — но никто не знал, куда их посылать.

Дэв вернулся через неделю или дней через десять и был один. Его нашли лежащим на его же рыбном прилавке, ранним утром, когда первые торговцы привезли в тележках провизию и цветы.

Он храпел, лежа головой на земле; задранные ноги мокли в его же жестяной бочке с протухшим рассолом, который никто не удосужился вылить. Был Дэв голый, как говорили некоторые, и с большим синяком на груди. Я после этого никогда не видела его без рубахи и не могу сказать, правду говорили люди или нет.

Дэва растолкали, плеснув вонючей воды ему в лицо, хлопнули по щекам и завернули в дерюгу, чтобы он выглядел хоть сколько-нибудь пристойно. В ответ на вопросы о том, что с ним случилось, Дэв только с ошеломленным видом оглядывался через плечо, словно искал кого-то. Он походил на ребенка, высматривающего мать в толпе; казалось, он вот-вот заплачет. Большие пересохшие губы дрожали.

Мать Дэва какое-то время держала его подальше от посторонних глаз. И за задернутыми занавесками, чтобы никто из деревенских не мог бросить на него любопытный взгляд.

Наконец Дэв выполз из дома; он походил на человека, выздоравливающего после долгой болезни. Он даже ходил с палочкой, бог ты мой! — я думала, что для видимости. Волшебница, надо полагать, не ногами его интересовалась.

— Бедняга, — сказал как-то отец, качая головой (Дэв как раз проходил мимо нас).

— Слабак. Его окрутили, а он и поддался, — сказала я, сдувая с лица прядь волос.

День в лавке выдался исключительно жарким и суматошным, я впала в раздраженное состояние и меньше обычного была склонна проявлять понимание.

Па взглянул на меня и мягко заметил:

— Не суди так скоро, Фосс. Мы не знаем, каким волшебством она его осилила. И не знаем, как сами повели бы себя на его месте.

— Я-то уж точно не поддалась бы. Будь она хоть какой красавицей.

Па улыбнулся. Так он улыбался, когда говорил о маме, — грустная улыбка, в которой одновременно светилось счастье.

— Увидим, — сказал он. — Ты еще очень молода. Сделать человека дураком — или слабаком, как ты выражаешься — может не только волшебство. Этой силе поддавались мужчины и покрепче Дэва.

Я фыркнула, но рассмеялась. Да, Па всегда умел смягчить меня.

В деревне, конечно, много судачили о приключениях Дэва с волшебницей. Громкие разговоры в кабаке, приглушенные — на улице; мужчины старались, чтобы женщины не услышали их болтовни, но меня-то за женщину никто не считал, так что я много чего наслушалась.

Разговоры велись вполне ожидаемые. О казематах, напичканных всевозможными приспособлениями для темных удовольствий. Дэва, в ошейнике раба, заставляют вылизывать геморроидальные шишки его госпожи или, в более кровожадных вариантах, пожирать куски собственного сердца, подаваемые ему в виде элегантных закусок, нафаршированные какими-нибудь оливками без косточек и нежнейшим сливочным сыром.

Всем страсть как хотелось, чтобы Дэв рассказал про самый сок — а если не про сок, так хоть про ужасы. А может, и про то и про другое.

Но Дэв ничего не рассказывал. Когда его спрашивали — а его спрашивали, поначалу намеками, потом, когда он не соизволил выложить подробности, более настойчиво, — он принимался плакать, как ребенок, лицо его делалось беззащитным, потерянным и мокрым, и мужчины в смущении отводили глаза.

Он часами плакал в кружку с элем, не зная стыда, как младенец, отчего все, кто сидел у стены, искоса поглядывали на него. Спустя какое-то время вопросы прекратились.

Дэв никогда не рассказывал, как ему жилось с волшебницей. Он так и не женился, не завел подружку. До меня долетали слухи, а еще я видела, как он проходил мимо окон лавки с потерянным видом, словно у него что-то отняли, и все высматривал кого-то в толпе.

Мне и в голову не приходило самой заговорить с ним о волшебнице или начать расспрашивать о том, как ему, зачарованному, жилось. Мне в те дни казалось, что волшебницы не имеют ко мне никакого отношения, — я только смотрю, как они проезжают через деревню. Какой же я была дурой.

